

24 апреля».¹³¹ Бенкендорф только однажды выполнил просьбу графа. Как видим, Хвостова всерьез занимал вопрос дальнейшего существования цензуры в России. Уже в мае 1828 года он предполагал возможное упразднение Цензурного комитета, а в августе в замечании о Пушкине высказывал интерес к особой царской цензуре. Дальнейшие попытки Хвостова обратиться через шефа жандармов к Николаю I со своими сочинениями завершались отказом докучливому графоману.¹³²

Регулярное желание графа получать «высочайшее дозволение» на свои стихи, на наш взгляд, позволяет предположить, что и Хвостов хотел для себя милости, подобной той, которую получил Пушкин.

Приведенные замечания графа Хвостова о Пушкине демонстрируют неоднозначность его отношения к пушкинскому творчеству и одновременно вносят коррективы в его утвердившийся образ графомана и безнадёжного архаиста, обнаруживая в Хвостове внимательного критика, верного традициям своей школы, но вместе с тем стремящегося объективно осмыслить происходящие в литературе изменения.

¹³¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 48–48 об.

¹³² *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. С. 151.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-92-103

© Н. Л. Васильев, © Д. Н. Жаткин

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ АНОНИМНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ЭПОХИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ «КТО КОМУ НУЖНЕЕ?» («ИТАК, НЕ СКАЗКА УЖЕ ЭТО...»)*

События Крымской войны 1853–1856 годов вызвали в России необыкновенный подъем патриотизма и волну поэтических откликов по поводу политики Англии и Франции в «восточном вопросе». Об одном из ярких проявлений безымянной сатирической реакции отечественных литераторов на намерение западной коалиции поддержать военным путем Османскую империю в противостоянии с Россией нами уже подробно говорилось.¹

В настоящей статье ставится задача проанализировать обстоятельства появления и распространения еще одного популярного анонимного стихотворения тех лет, авторство которого тоже нуждается в аналитическом осмыслении.

1

9 февраля 1854 года вышел высочайший манифест Николая I: «Мы уже возвестили любезным Нашим верноподанным о причине несогласий наших с Оттоманскою Портою. С тех пор, невзирая на открытие военных действий, Мы не преставали искренно желать, как и поныне желаем, прекращения кровопролития. Мы питали даже надежду, что размышление и время убедят турецкое правительство в его заблуждении, порожденном коварными наущениями, в коих Наши справедливые, на трактатах

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ: «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П. А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)» — № 17-04-00069а.

¹ См.: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. 1) К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145; 2) Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293.

основанные требования представляемы были как посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладание. Но тщетны были доселе Наши ожидания. — Английское и французское правительства вступились за Турцию, и появление соединенных их флотов у Царьграда послужило вящим поощрением ее упорству. — Наконец обе западные державы, без предварительного объявления войны, ввели свои флоты в Черное море, провозгласив намерение защищать турок и препятствовать Нашим военным судам в свободном плавании для обороны берегов наших. После столь неслыханного между просвещенными государствами образа действий, Мы отозвали Наши посольства из Англии и Франции и прервали всякие политические сношения с сими державами. Итак, против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства, становятся Англия и Франция! Но Россия не изменит святому своему призванию, и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанною нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года! Да поможет нам Всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих веру Христову, единым сердцем всея России воззовем: „Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!“»²

Вскоре в периодической печати, и прежде всего в официозной газете «Северная пчела», появляются поэтические дополнения к этому манифесту, в частности 15 февраля стихотворение «На нынешнюю войну», а 5 марта — идеологически и стилистически близкое к нему, но гораздо более пространное «Кто кому нужнее?»³

И так не сказка уже это,
 Что Англичанин и Француз
 Вступили в службу Магомета?
 Что с Туркой заключив союз
 Два христианские народа,
 Во утешение бесам,
 Идут вослед Искарриота
 Предать Христа его врагам.
 Стыдитесь, жалкие народы!
 Всемирные опекуны,
 Защитники чужой свободы,
 А дома — слуги сатаны!
 Не ваши ль предки в Палестине
 За Гроб Господень лили кровь,
 Зачем же вы хотите ныне
 Попрать дела своих отцов.
 Вы, просветители Европы,
 Цивилизованный народ,
 Антропологи, филантропы,
 И разный окаянный сброд!
 Довольно вы уж запятнали
 Страниц в истории своей,
 Когда казнили и терзали
 Невинных и честных людей!
 Чего ж теперь еще хотите?
 Зачем вмешались в наш спор?
 Как ни судите, ни рядите,
 А Турка вам городит вздор!
 Но знаем, тут не в Турке дело,
 Вам Турка только лишь предлог.

² См.: *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов: В 4 т. СПб., 1876. Т. 1. С. 37–38 (приложения к главе X, прим. 14).

³ Северная пчела. 1854. 5 марта. № 52. Текст стихотворения приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Нет, вам Россия надоела,
 Она вам в горле поперег!⁴
 Ну, что же? так и быть! Неужли
 Ломать мы шапки будем вам?
 Не знаем, мы для вас не нужны ль,
 А вы не нужны вовсе нам!
 Не нужно вин нам иноземных:
 Мы, Господа благодаря,
 Сумеем пить и Русским пенным⁵
 Здоровье Русского Царя.
 Не нужны сукна нам и вата,⁶
 И ваша байка⁷ не нужна:
 Сошьем мундир мы для солдата
 И из домашнего сукна.
 Не нужны портеры, араки:
 Мы дома пива наварим,
 Да вас самих же после драки
 Опохмелиться пригласим.
 Не нужно Английской нам стали:
 У нас железа рудники —
 Покойные Французы знали
 Остры ли Русские штыки.
 Не нужны ваши нам сардины
 И черепаши потроха:
 В Березине готова ныне,
 По-прежнему, для вас уха.
 Не нужны нам пружины ваши
 И все машины, вздор какой:
 Французов били ж бабы наши
 Где просто палкой, где клюкой!
 Не нужны ваши нам шинели,
 Пальто, салопы — на беду
 Они вас плохо как-то грели
 У нас в двенадцатом году.
 Не нужны нам стальные перья:
 Покойный славный ваш капрал
 Свое от трона отрешенье
 Простым гусиным подписал.
 И в высылке духов Французских
 Не просим ваших мы услуг:
 Европа нюхала у Русских
 Национальный крепкий дух.
 Не нужно ваших шампинионов,
 Грибов нам хватит и для вас:
 С покойником Наполеоном
 Вы съели славный гриб у нас.⁸

⁴ *Поперег* — архаичная форма наречия «поперек».

⁵ *Пенное вино* — пенник, крепкое хлебное вино (обл. и устар.).

⁶ Западноевропейское заимствование в русском языке. См., например: *Этимологический словарь русского языка*. М., 1968. Т. 1. Вып. 3 / Под ред. Н. М. Шанского. С. 23.

⁷ *Байка* — мягкая шерстяная или бумажная ткань с длинным ворсом; слово голландского (по другим данным, французского) происхождения. См., например: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Вып. 2 / Автор-составитель Н. М. Шанский. С. 12; *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд. СПб., 1996. Т. 1. С. 107.

⁸ Архаический фразеологизм «гриб съел», т. е. «потерпел неудачу, не получил желаемого, обманулся в расчетах».

И так давайте же делиться,
 Пусть будет всякий при своем,
 Мы не придем к вам поклониться,
 Бог даст, без вас мы проживем.
 Но вы подумали ли это:
 Хоть дивен ваш заморский край,
 Однако ж в будущее лето
 Каков там будет урожай?
 На грудах бархату и шелку
 Как станет на брюхе бурлить,
 Чтоб зубы не пришлось на полку
 Вам хоть на время положить!
 Но нет, мы ясно видим ныне,
 Что всякая к вам наша речь,
 Глас вопиющего в пустыне:
 Так пусть нас судят Бог да меч!

Любопытно, что на той же странице «Северной пчелы» в разделе «Внутренних известий» появилось заверение от имени крымских татар о верности российскому престолу: «Уже протекло семьдесят лет, как Крымский полуостров присоединен к могущественной Российской державе. В продолжение этого времени крымские татары не только никогда не нарушали священного долга верноподданнической присяги <...> но, благоденствуя под скипетром русского монарха, прославляли и прославляют неисчислимыя к ним милости...»; «В настоящую эпоху, при разрыве Российской державы с Оттоманскою Портою, могут родиться толки, не выгодные для верноподданных татар, по единоверству с врагами нашего государства...».

2

Агитационное произведение быстро обрело популярность, будучи перепечатанным с несущественными разночтениями сначала в «Русском инвалиде» (1854. 9 марта. № 56), а затем и ряде военно-патриотических антологий.⁹

Анонимный автор отталкивался, с одной стороны, от манифеста Николая I («Итак, против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства, становятся Англия и Франция!»; курсив наш. — Н. В., Д. Ж.), с другой — от патриотических рассуждений Ф. Н. Глинки, прозвучавших в ранее напечатанном в «Северной пчеле» стихотворении «Ура!» («Ура!.. На трех ударим разом!»):¹⁰ «Но год двенадцатый не сказки (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.), / И Запад видел не во сне, / Как двадцати народов каски / Валялися в Бородине» — что дает некоторые основания приписать данный текст именно Глинке.¹¹ Однако в собрания произведений последнего

⁹ Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных Российским победоносным воинством / Собр. Н. Ключков. М., 1854. С. 9–13; Собрание стихов русских поэтов про турок, англичан и французов. М., 1854. С. 11–14; С нами Бог! Вперед!.. Ура!.. Собрание стихотворений на нынешнюю войну, изданное В. Деметьевым. М., 1854. С. 126–130; Сборник патриотических стихотворений русских поэтов про турок, англичан и французов. М., 1854. С. 51–55; Заморские гости. Собрание песен, военных куплетов, сказок, басен и стихов про турок, англичан и французов, выражающих чувства русских за Веру, Царя и Отечество, в войну настоящего времени. М., 1854. С. 7–10; Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. СПб., 1855. Отд. V: Патриотизм России. Стихотворения. Кн. I–XII. С. 39–42.

¹⁰ Северная пчела. 1854. 4 янв. № 2.

¹¹ См. об этом, например: Орлов А. А. «Теперь я вижу англичан вблизи»: Британия и британцы в представлении россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). М., 2008. С. 169–172, 315–316 (прим.); Шешунова С. В. Британцы и русские как враги по Крымской войне: литературные образы // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2016. № 2. С. 80.

указанное стихотворение никогда не включалось, и трудно объяснить, по каким соображениям поэт не авторизовал бы его. Справедливости ради, нужно отметить, что «огромное по объему» поэтическое наследие Глинки, большей частью «рассеянное по многочисленным журналам и альманахам», до сих пор не систематизировано.¹² А. А. Орлов попытался обосновать авторство Глинки тем, что его «весьма интересовали технические достижения».¹³ Но этого аргумента явно недостаточно. Исследователи творчества поэта, говоря о его лирической активности в годы Крымской войны, подчеркивают «широкую популярность», «всенародную известность» стихотворения «Ура!», переведенного на несколько языков, и отчасти другого — «Голос Кронштадту», появившегося в «Северной пчеле» 10 мая 1854 года.¹⁴ Не упоминает об анонимном произведении и секретарь «Северной пчелы» П. С. Усов, в очерке которого «Патриотические стихотворения в 1854 и 1855 годах. Дополнение к биографии Федора Николаевича Глинки» перечисляются, цитируются произведения поэта, присланные им в газету, в том числе неопубликованные, сохранившиеся в архиве мемуариста.¹⁵

Поэтому закономерно, что неподписанное сочинение традиционно комментируется литературоведами как произведение неизвестного автора.¹⁶ Это косвенно подтверждается и свидетельством участника Крымской войны Л. Н. Толстого, который на вопрос, не он ли был автором стихотворения, ответил своему корреспонденту, что данный текст ему не известен, хотя указал, по словам А. В. Жиркевича, на «стихи Ростопчиной» в отношении стихотворения «На нынешнюю войну».¹⁷

3

Интригу в отношении авторства стихотворения «Кто кому нужнее?» подпитывает еще одно обстоятельство, на этот раз текстологическое.

Во время уже Русско-японской войны в «Русском архиве» появилась публикация, включавшая иную редакцию указанного произведения, отличавшуюся, прежде всего, наличием в нем четырех заключительных строк, о чем сам публикатор не догадывался: «Были ли нижеследующие стихотворения где-либо напечатаны, не знаю, но, наверное, они ходили по рукам в рукописях. Мною некоторые из них выписаны из старых альбомов, другие стихотворения из рукописных песенников, принадлежавших ученикам Казанской духовной семинарии, Ивану Давыдову и Ивану Ястребскому; мне же рукопись стихотворений была подарена их родственником Г. И. Львовым с выражением желанья что-нибудь извлечь из них для напечатания, чем я в настоящее время и имею честь воспользоваться с благодарностью священнику Г. И. Львову».¹⁸ Вот последние строки анализируемого произведения, приведенные в статье:

¹² См. об этом: *Глинка Ф. Н.* Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. В. Г. Базанова. Л., 1957. С. 449 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹³ *Орлов А. А.* «Теперь я вижу англичан вблизи». С. 315.

¹⁴ См.: *Базанов В. Г.* Ф. Н. Глинка // *Глинка Ф. Н.* Избр. произведения. С. 52–53; *Ильин-Толмич А. А.* Глинка Федор Николаевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 581.

¹⁵ *Усов П. С.* Из моих воспоминаний // *Исторический вестник.* 1882. Т. 7. № 2. С. 349–353.

¹⁶ См., например: *Штык и лира: Антология патриотической поэзии эпохи Крымской войны (1853–1856)* / Вступ. статья, сост. и прим. К. В. Ратникова. Челябинск, 2005. С. 74–76, 331 (прим.); *Федянова Г. В.* Крымская война в русской поэзии 1850-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. С. 11.

¹⁷ *Жиркевич А. В.* Воспоминания о Л. Н. Толстом // *Исторический вестник.* 1908. Т. 111. № 1. С. 174. Заметим, что сама Е. П. Ростопчина в письме к Ф. А. Кони от 28 мая 1854 года выделила стихотворение «На нынешнюю войну» («...премилая и презабавная эпиграмма на воинственного Пальмерстона») среди большинства других, «недостойных печати». См.: *Ростопчина Е. П.* Стихотворения. Проза. Письма / Сост., вступ. статья, подг. текста, прим. Б. Романова. М., 1986. С. 381, 434–435.

¹⁸ Настроение русского общества во время Севастопольской войны. Стихотворения того времени / Сообщил А. Ф. Можаровский // *Русский архив.* 1905. Кн. 2. № 8. С. 536–538.

Но после — наше им почтенье,
 Пускай живут их, как хотят,
 Прости Господь им согрешенья,
 Не ведут сами, что творят.¹⁹

А. А. Орлов полагает, что данная строфа «явно написана человеком религиозным (Львов?) для смягчения последних воинственных слов Глинки»²⁰ — иначе говоря, не является аутентичной в исходном тексте стихотворения.

Однако в крупнейших российских архивах имеются 13 списков этого стихотворения, большинство из которых содержит почти идентичные заключительные строки: «Но полно! (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) [Затем уж]²¹ наше им [вам] почтенье, / Пускай живут их [там] как хотят, / Прости Господь их [им] прегрешенье [согрешенье], / Не ведут сами, что творят»;²² и только один, принадлежащий академику Л. Н. Майкову (1839–1900), является воспроизведением публикации стихотворения в 1854–1855 годах.²³

Самое примечательное, что три списка анонимного сочинения находятся в архиве П. А. Вяземского, отражая отчасти промежуточную работу над этим текстом,²⁴ продолженную в плане редактирования, не исключено, кем-то из ближайшего окружения писателя в Петербурге. Например, памятный оним *Березина́* рифмуется здесь совершенно иначе, чем в печати: «Не нужны ваши нам сардины / И черепашьи потроха, — / В волнах родимой Березины / Готова вам всегда уха (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.)». В других же известных нам рукописных копиях данное произведение приписано читателями или атрибутировано архивистами тоже Вяземскому.

Указанные «внешние» списки стихотворения отличаются незначительными лексическими, грамматическими и орфографическими вариациями, объясняемыми, вероятно, иногда устной, вследствие чего искаженной, передачей текста популярного стихотворения, например: «И так, не сказки уже это» (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.); «Продать Христа его врагам»; «Срамить дела своих отцов»; «Сивилизованный народ»; «Своих заморских королей»; «За здравье русского царя»; «А турки вам городят вздор»; «И вас самих же после драки»; «Остры ль железные штыки»; «То просто палкой, то клюкой»; «Они вас плохо что-то грели»; «Не нужно нам английской стали»; «Свое от трона отречение»; «На поставку духов французских»; «Национальный серный дух»; «Пусть будет каждый при своем»; «На грудах бархату и шелку / Как станет в брюхе-то бурлить»; «Как станете без хлеба жить».

¹⁹ Финальная строка стихотворения представляет собой цитатный перепев слов распятого Иисуса Христа, обращенных к Создателю: «Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ» (Лк. 23: 34).

²⁰ Орлов А. А. «Теперь я вижу англичан вблизи». С. 316.

²¹ В квадратных скобках указываются текстовые варианты в разных списках.

²² См., в частности: РГБ. Ф. 53 (А. В. Висковатов). Карт. 2. Кн. М6334. Л. 373–374; Ф. 76 (Ф. А. и Д. Ф. Голубинские). Раздел I. Папка 43. Ед. хр. 17. Л. 1–2; РНБ. Ф. 542 (Оленины). Ед. хр. 904. Л. 1–2; Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. Ед. хр. 3 (М. Д. Абатуров. Сборник стихотворений и других произведений разных авторов, большей частью о войне 1853–1856 гг. Тетради. Пометы. 1853–1856 годов). Л. 14 об. — 16 об.; Ф. 777 (П. Н. Тиханов). Оп. 1. Ед. хр. 1327 (Вяземский П. А., Огарев Н. П. Стихотворения. Списки. 1854 года и б. д.). Л. 22–23 об.; ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 812; Ф. 120 (И. Т. Калашников). № 246; РГАЛИ. Ф. 1346 (Коллекция стихотворений). Оп. 1. Ед. хр. 636. Л. 269 об. — 272 об.; Ф. 93 (Второвы И. А., Н. И.). Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1–2 об. (под названием «Современные мысли»).

²³ ИРЛИ. Ф. 166 (Л. Н. Майков). Оп. 6. № 7. Л. 2–3. Списку стихотворения здесь предшествует фрагмент известного произведения Вяземского «Негодование» (1818–1820), начинающийся со слов «Мой Аполлон — негодование!». Оба текста описаны архивистами как «копии рукой П. В. Анненкова и неуст<ановленного> лица».

²⁴ РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 887. Л. 38–39 об. (с подписью Вяземского); Л. 40 (начало произведения с датой его написания — «9-го марта 1854 года», что выглядит анахронизмом по отношению к дате публикации стихотворения, но вполне логично, если считать, что автор жил в Западной Европе и ориентировался на Григорианский календарь); Л. 39а, 39а об., 39б (каллиграфически четкий список, с тщательной инструментовкой строф-восьмистиший, — что также не противоречит печатному варианту текста, вследствие газетной специфики подачи большого поэтического сочинения).

Обращает на себя внимание список, принадлежащий неизвестному лицу,²⁵ где имеются позднейшие исправления в тексте, свидетельствующие, что владелец рукописной копии стихотворения сверял ее по печатному источнику; при этом к первоначальному тексту добавлено заглавие, заключительное четверостишие не зачеркнуто, а выделено особыми метками как своеобразный постскрипtum.

На основании анализа списков произведения, отличающихся не только малосущественными речевыми деталями, но и разными источниками их происхождения, можно сделать вывод, что изначально стихотворение имело дополнительную заключительную строфу, но к моменту публикации было кем-то «отредактировано», в результате чего лишилось христианского подтекста смиренности перед неизбежным злом. Автор стихотворения занимал позицию «дипломата», посредника между Россией и Западом; элиминация заключительной строфы меняет эту перспективу на бескомпромиссное решение политического конфликта военным путем («Так пусть нас судят Бог да меч!»), на разрыв отношений с оппонентами, что, конечно, больше соответствовало взгляду на происходящее «изнутри» России.²⁶

В связи с этим укажем на еще одно интригующее обстоятельство в плане осмысления авторства стихотворения. Список из архива юриста, археографа, переводчика, журналиста П. Н. Тиханова (1839–1905) находится в составе сборника, описанного в РНБ как «Вяземский П. А., Огарев Н. П. и др. Стихотворения. Списки. 1854 года и б. д. 41 лл.».²⁷ Под интересующим нас стихотворением помещено указание *Леман*, что можно истолковать как место написания произведения, т. е. Женевское озеро...

Вяземский, однако, хотя и жил в те годы за границей, оказался в Швейцарии в октябре 1854 года,²⁸ где пробыл несколько месяцев, оставив, в частности, лирические свидетельства о чудных окрестностях Лемана и окружающих его городах: «На берегу Леманского озера», «Рябина», «14 января в Веве», «Моя комната в Веве», «Прогулка», «Рон», «Снег», «Картина», «Отъезд», «Дорогою в Шамуни».²⁹ В первом из названных стихотворений он, например, пишет: «Тоска неодолимой силой / Уносит нас из здешних мест / В священный край России милой, / Где братьям послан тяжкий крест. / Там грозно свирепеют битвы, / Там льется нам родная кровь! / Там наши слезы и молитвы, / Скорбь, упование и любовь!»

4

Наличие следов работы над произведением в архиве самого Вяземского и указание в других списках на его авторство (при отсутствии, в частности, упоминаний о Ф. Н. Глинке) обязывает рассматривать эту версию как основную.

В числе произведений Вяземского данное стихотворение никогда не фигурировало — ни при его жизни, ни позже.³⁰ Однако то же можно сказать и в отношении анонимного стихотворения «На нынешнюю войну», автором которого с большой вероят-

²⁵ ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 812.

²⁶ Ср. также важный для «Северной пчелы» коммерческий подтекст данной политической установки, цинично изложенный Ф. В. Булгариным в записке к П. С. Усову 20 ноября 1853 года: «В нынешнее время надо как можно менее проповедовать о мире, перемирии и т. п. Всё это вредно нам, ибо только надежды на войну могут поддержать нас в надежде на умножение подписчиков; это верно, как аминь в молитве» — что, действительно, привело к скорому возрастанию объема и тиража издания. См.: *Усов П. С. Ф. В. Булгарин в последние десятилетия его жизни (1850–1859 гг.)* // Исторический вестник. 1883. Т. 13. № 8. С. 316, 318.

²⁷ Упоминание об Н. П. Огареве ошибочно, поскольку сборник содержит стихотворение «Не мир и тишина Европы...», автором которого был, вероятно, генерал Н. А. Огарев (1811–1867). См. об этом, в частности: *Федянова Г. В. Крымская война в русской поэзии 1850-х гг.* С. 10.

²⁸ См.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 10. С. 126, 139–140.

²⁹ Там же. Т. 11. С. 147–198.

³⁰ См.: Библиография сочинений князя П. А. Вяземского // В дороге и дома: Собр. стихотворений князя П. А. Вяземского / <Под ред. и с прим. М. Н. Лонгинова>. М., 1862. С. 385–408; *Пономарев С. И.* Памяти князя П. А. Вяземского. СПб., 1879. С. 8–57.

ностью можно считать именно князя, по каким-то соображениям (вероятно, вследствие пребывания за границей и желания избежать агрессивного внимания к своей персоне европейской политической и культурной элиты) не обозначившего своего имени, выступившего от лица vox populi...

Поэт сражался с противниками России с помощью специфического идеологического оружия, прибегая и к маскировке своего имени, к неофициальной, теневой литературной «дипломатии»: «Изливаю желчь мою русскими и французскими чернилами, прозой и стихами. Пишу статьи для иностранных журналов и стихи для „Инвалида“, которые, не знаю какую судьбою, попадают всегда в „Северную пчелу“» (Вяземский — А. Д. Блудовой, 1 февраля 1854 года); «В „Indépendance Belge“, 2 марта, напечатан мой перевод песни „Вот в воинственном азарте“. Удивляюсь храбрости редакции. Песня подымает на смех Лже-Наполеона; а во Франции смех сильнее и опаснее рассуждения. Но, право, и я заслуживаю георгиевский бумажный крест за мои партизанские наезды в журналы». ³¹ Перу Вяземского принадлежит, например, и сатирическая песня «Complainte. Sur l'air: partant pour la Syrie» (1855), пародирующая неофициальный гимн Франции, приложенная им к письму российскому посланнику в Баварии «арзамасцу» Д. П. Северину. ³² Надо подчеркнуть, что поэтическая, публицистическая и эпистолярная (по линии дипломатических, военных и придворных контактов) активность Вяземского в годы Крымской войны чрезвычайно интенсивна.

Обратимся к анализу поэтики стихотворения «Кто кому нужнее?» в контексте творчества писателя.

В поэзии Вяземского встречаются многочисленные лексические совпадения с текстом агитационного произведения на уровне, в частности, таких знаковых, специфических элементов, как «произимы» и разговорно-просторечные слова, причем нередко в те же годы, например: *английский, арак, баба, байка* («вид ткани»), *бархат, брюхо, бурлить, вздор, всемирный, горло, греть, груда, гусиный, двенадцатый* (в словосочетании «двенадцатый год»), *делиться, драка, железо, законный, заморский, запятнать, здравье, зуб, капрал, клюка, ломать, машина, надоесть, нюхать, окаянный, опекун, опохмелиться, палка, пенник, пенный, пиво, поклониться, покойник, поперек, пригласить, просветитель, пружина, родимый, рядить, сброд, стыдиться, сукно, шить, съест, терзать, трехгранный, турка, турки, урожай, услуга, уха, христианский, шапка, шелк, шинель*. Частично совпадают при этом концепты *отрешенье* (ср.: *отречение, отрешать, отрешить, отрешиться*), *поставка* (ср.: *поставщик*), *рудник* (ср.: *руда, рудокон*), *стальной* (ср.: *сталь*), *филантроп* (ср.: *филантропия, филантропка*), *черепаший* (ср.: *черепаха*). Поэт неоднократно (9 раз!) использовал в разные годы разговорный фразеологизм «гриб съел»; дважды, хотя и в более позднее время, — фразеологизм «судить и рядить». В его авторизованной лирике фигурируют и некоторые имена собственные, употребленные в анонимном тексте: *Иуда, Магомет, Палестина, Сатана, Христос*. ³³

Вместе с тем в словаре Вяземского отсутствуют лексемы *антрополог, вата, вмешаться, духи, иноземный, ихний, наварить, пальто, полка, портер, потроха, прегрешенье, рудник, салоп, сардины, цивилизованный, шампиньон*; а также фразеологизмы *бог даст, быть (остався) при своем, в горле поперек, вздор городить, глас вопиющего в пустыне, лить (проливать) кровь, ломать шапку, положить зубы на полку*. Нет в его поэзии онимов *Березина, Искарриот*, хотя используются их аналоги: *березинский, Иуда*.

Последнего вполне достаточно, чтобы засомневаться в возможном авторстве Вяземского. С другой стороны, лингвистическая статистика подсказывает, что даже в относительно небольшом новом тексте, вводимом в корпус произведений хорошо

³¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 102–103, 114.

³² См.: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Франкоязычное сатирическое стихотворение П. А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII. М., 2017. С. 217–223.

³³ См.: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015.

изученного в языковом отношении автора, могут встретиться «новые» для него слова, поскольку доля единично употребленных слов в лексиконе большинства поэтов XIX века колеблется, по нашим наблюдениям, в диапазоне от 39% (Вяземский) до 50,6% (Веневитинов), завися от объема их поэтического наследия.³⁴

Анонимный автор использует остроумный каламбур, основанный на буквальном и фразеологическом значениях слова «гриб»; подобная игра слов особенно присуща Вяземскому, признанному острослову. Он прибегает к таким приемам и в лирике 1853–1855 годов, например: «А не худо б господам / Европейским лицедеям, / Полководцам, мудрецам, / Ротозеям, грамотеям, // И французу из Бордо, / И заносчивому лорду, / Всем, в орлиное гнездо (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) / Не спросясь уткнувшим морду — // Всем не худо б затвердить / Ту главу из Русской были, / Как вопрос: „бить, иль не бить?“ / Мы по-своему решили», «А потом, на упокой, / Чтоб голубчики *остыли*, / Мы *Березинской водой* / Студено их окатили»; «Он (Наполеон Бонапарт. — Н. В., Д. Ж.) — ваш маленький капрал, / Вы ж — под рост его мизинцу; / Да и тот не разжевал / Всероссийского гостинцу. // И с заправским (хоть с трудом) / Мы сочлись, взыскав все пени: / Не управимся ль путем / С бледной *тенью* славной *тени*?» («Современные заметки», 1854); «Ошибаешься ты в этом, / Как ни прячься, Мустафа! / Хоть за английским *лафетом*, / Всё тебе же не *лафа*» («Дунайские песни», 1854); «Аустерлиц раскрасит вы умели, / А например, Тарутино в потмах: / Под *Красным* тож, кажись, вы на мель сели, / Но с *Красного* рабят у вас в глазах» («Не помните?», 1854).³⁵ Можно обратить внимание и на корреляцию вопросительной структуры заглавия, разговорной интонации в названиях анализируемого текста и стихотворения Вяземского «Не помните?».

Заключительная строфа стихотворения Вяземского «1854-й год», обращенная к Николаю I, переключается с печатной концовкой анонимного произведения, ср.: «Восточной Церкви Сын Державный, / За Матерь Ты подъямешь меч! / Ты дал обет: ярем бесславный / Сорвать с ее священных плеч — / И не изменишь Ты обету! / И за Тобой Русь Твоя / Вновь явит суетному свету, / Что *Бог нам вождь и судия*» (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.).³⁶

Наконец, в поэзии Вяземского 7 раз встречается вводное слово *итак* (*и так*), в том числе в «зачине» лирического повествования: «Итак, мой друг, увидимся мы вновь / В Москве, всегда священной нам и милой!» («Послание к Жуковскому из Москвы в конце 1812 года»). Грустные размышления поэта по поводу сожженной первопрестольной опосредованно могли отразиться на уровне этой лексико-синтаксической автореминисценции в анонимном тексте, если допустить, что стихотворение принадлежит ему... Ср. также использование данной лексемы в концовке другого произведения Вяземского: «И так, не мудрено нimalo, / Что я, став горе-мудрецом, / На новый год, как на обман бывалой, / Смотрю угрюмым сентябрем» («К*. В новый год», 1829).³⁷

Обратимся к стиховой и стилевой технике анонимного сочинения. Оно написано без версификационных изысков: 4-стопный ямб, отсутствие в печати внешней строфики, перекрестная рифмовка строк. Встречаются неточные и даже приблизительные рифмы: *это/Магомета, народа/Искарюта, кровь/отцов, дело/надоела, иноземных/пенным, сардины/ныне, перья/отрешенье, услуг/дух, шампинионов/Наполеоном, речь/меч* — что создает ощущение некоторой поэтической небрежности. Однако

³⁴ См.: Васильев Н. Л. 1) Словарь языка А. И. Полежаева. Саранск, 2001; 2) Словарь поэтического языка Н. П. Огарева. Саранск, 2013; Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. 1) Словарь языка А. А. Дельвига. М., 2009; 2) Словарь Н. М. Языкова. М., 2013; 3) Словарь поэтического языка П. А. Вяземского...; 4) Словарь поэтического языка Д. В. Давыдова. М., 2016; 5) Словарь поэтического языка Е. А. Баратынского. М., 2016; 6) Словарь поэтического языка Н. М. Карамзина. М., 2016; 7) Словарь поэтического языка Д. В. Веневитинова. М., 2017; 8) Словарь поэтического языка К. Ф. Рылеева. Пенза, 2017; 9) Словарь поэтического языка И. И. Дмитриева. М., 2017; 10) Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова. М., 2018.

³⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 107–108, 114, 115.

³⁶ Там же. С. 105–106.

³⁷ Там же. Т. 4. С. 64.

это парадоксально усиливает эстетический и идеологический эффект произведения, поскольку искусно имитирует своей формальной непритязательностью, «прозаическим» словарем и обилием разговорно-просторечной фразеологии стилистику своеобразной агитационной листовки, лишенной излишней пафосности и ложного лиризма. Обращают на себя внимание оригинальная рифма *неужли / нужны ль*; контрастирующие со сниженным стилистическим фоном книжно-научные словарные элементы (*антрополог, всемирный, страницы истории, филантроп, цивилизованный, предлог*), рассчитанные в данном случае на образованного читателя; многочисленные религиозные понятия (*Магомет, христианский, бес, сатана, Искарот, Христос, Палестина, Гроб Господень, окаянный, Господь*), универсальные по отношению к любой аудитории. Трудно не согласиться с тем, что стихотворение не только незаурядно, но и создано опытным литератором. Если вернуться к поэзии Вяземского, то многое из перечисленного, за исключением повышенной доли необразцовых рифм, вполне соответствует его поэтике.

Типологически стихотворение «Кто кому нужнее?» напоминает агитационный шедевр Глинки «Ура!» (4-стопный ямб, четверостишия с перекрестной рифмовкой, апелляция к христианским ценностям) и явно навеяно последним.³⁸ Однако рифмы Глинки, в отличие от анонимного текста, безупречно точны, кроме одной, почти экспериментальной и неблагозвучной (*мы ж / Париж*). Позже, готовя стихотворение к публикации в виде брошюры, Глинка существенно переработал произведение, добавив несколько новых строф, акцентировав строфику арабскими цифрами, введя многочисленные курсивные и прописные буквенные выделения, в ряде случаев и разрядку, тройные восклицательные знаки, эмоциональные многоточия. В новой редакции его стихотворения исчезла неудачная строфа с указанной рифмой, хотя вместо этого появилась единичная неточная рифма *долг/Бог*: «*Спроситесь и с полями битвы, / Как русским святы честь и долг, / И как доходны их молитвы, / И как ВЕЛИК РОССИЙСКИЙ БОГ!!!*». Как видим, и по соображениям стиховой техники можно заключить, что Глинка вряд ли был причастен к созданию анализируемого произведения.

5

Выявить какие-либо литературно-критические, публицистические, мемуарные или художественные отклики на анонимное стихотворение со стороны современников событий Крымской войны нам не удалось, что ограничивает фронт поиска анонимного автора указанными выше писательскими именами и не добавляет аргументов по линии *pro et contra*.³⁹

Попытаемся, однако, проанализировать другие интертекстуальные связи безымянного текста — как по линии предшественников автора, так и его потенциальных читателей.

Одним из литературных источников произведения было стихотворение С. П. Шевырева «14 и 18 ноября»,⁴⁰ ср.: «Содрогнешься, житель тленья: / *Англичанин и француз* (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) / Там, во имя просвещения, / *С турком празднуют союз!*» (Шевырев); «И так не сказка уже это, / *Что Англичанин и Француз* / Вступили в службу Магомета? / *Что с Туркой заключив союз...*» (аноним). Указанное произведение, написанное 4-стопным хореем, метрически не соответствует

³⁸ Ср. также следующие переключки: «*Два христианские народа* (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) / На нас грозятся за чалму!!» (Глинка), «*Что с Туркой заключив союз / Два христианские народа...*» (аноним); «*Вы к туркам поступили в службу / И отступились Христиан!!*» (Глинка), «*Что Англичанин и Француз / Вступили в службу Магомета?*» (аноним).

³⁹ Впрочем, существенно, например, то обстоятельство, что Вяземский в ряде случаев оставлял в своем архиве пометы относительно своего/чужого авторства; например, при списке послания «К княжнам Гагариным» (с подписью: «Вяземский»): «Не мое и не знаю чье, и жена не знает» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 887. Л. 27).

⁴⁰ Москвитянин. 1853. № 23. Декабрь. Кн. 1. С. 163–166.

анонимному стихотворению и вряд ли может рассматриваться как гипертекст одного автора... Тем не менее ощутима связь с анализируемым произведением и стихотворения С. П. Шевырева «Отступникам Христа» (датировано 28 марта 1854 года), словно продолжающего рассуждения анонимного автора: «*Два* (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) великие народа, / Два отступника Христа! / Вас к тому ль вела свобода, / Чтоб отверглись вы креста?»⁴¹ Идейные, лексические и фразеологические параллели с анонимным текстом присутствуют в стихотворении Ф. М. Достоевского «На европейские события в 1854 году», где автор тоже обращается к западным оппонентам: «Христианин за турка на Христа! / *Христианин* — защитник *Магомета*! (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) / Позор на вас, отступники креста, / Гасители божественного света!»; «Ответ вам дали строгой, / Как школьникам, крикливым шалунам. / Не нравится, — на то пеняйте сами, / Не *шапку* же *ломать* нам перед *вами*!»⁴² В стихотворении Ф. Б. Миллера «Карлуша, или Отправление английского флота из Портсмута (современная баллада)» видны следы знакомства со стихотворением С. П. Шевырева «14 и 18 ноября» и, возможно, с анонимным произведением: «*Англичанин и француз*, / На потеху везу, / Вдруг составили союз / В помощь *Магомету*...» (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.).⁴³

В плане установления литературной «генеалогии» стихотворения можно обратить внимание и на другие факты использования финального евангельского аккорда («Не ведут сами, что творят») в русской поэзии XIX века. Впервые, по данным Национального корпуса русского языка, это сделал А. А. Фет в стихотворении «Художнику» (1846), но по иному поводу: «Не слушай их, когда с улыбкой злою / Всю жизнь твою поставят на позор, / И над твоей венчанной головою / Толпа взмахнет бесславия топор; // Когда ни сны, ни чистые виденья, / Ни фимиами мольбы твоей святой, / Ни ряд годов наук, трудов и бденя / Не выкупят тебя у черни злой... // Им весело, когда мольбой презренной / Они чело младое заклеят... / Но ты прости, художник вдохновенный, / Ты им прости: *не ведут, что творят*» (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.).⁴⁴ С процитированным и отчасти анонимным текстами преемственно связано стихотворение И. З. Сурикова «Поэту» (1879), ср.: «<...> Тебя унизят, поругают, / И чувства святость оскорбят, / И злобой душу истерзают, / И желчи ядом напоят... // Но ты, в венце своем терновом. / Тебе изранившем чело, / Прости врагам твоим суровым / Тебе содеянное зло! // И пригвожден к столбу позора, / И чья в сердце желчи яд, — / Не шли за зло *врагам* укора: / „Они не ведут, что творят!“» (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.).⁴⁵ В более близком к анонимному произведению идеологическом ключе, что наталкивает на мысль о возможном отзвуке предшественника, привлеч библейскую цитату В. Г. Бенедиктов в стихотворении «Пора! (По поводу римских проклятий)»: «О христиане, братья, братья! / Когда ж затихнет гул проклятья? / Когда анафемы замрут? / Пора! Мы ждем. Века идут. / Учитель, преданный распятью / И водворявший благодать, — / Христос — учил ли вас проклятью? / Нет! Он учил благословлять, / Благословлять врага, злодея, / <...> / И вам же будет посрамленьем, / Коль прокливаемый ваш брат / Ответит вам благословеньем, / Сказав: „*Не ведут, что творят!*“» (курсив наш. — Н. В., Д. Ж.).

Лексические и фразеологические стыковки с безымянным текстом неоднократно прослеживаются и в других стихотворениях Бенедиктова, хорошо знавшего творчество Вяземского:⁴⁷ «Вы на поприще ученья / Не один трудились год, — / Тут века! — И *просвещенья* (здесь и далее курсив наш. — Н. В., Д. Ж.) / Это ль выстрадавший

⁴¹ Там же. 1854. № 7. Апрель. Кн. 1. С. 123–124.

⁴² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 2. С. 405.

⁴³ Цит. по: Штык и лира... С. 197.

⁴⁴ Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. Кн. 5. С. 228.

⁴⁵ Суриков И. Стихотворения. 1863–1880. Полн. собр. с портретом автора... 4-е изд. М., 1884. С. 169.

⁴⁶ Сын отечества. 1860. № 18. С. 521.

⁴⁷ См., в частности: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Стихи В. Г. Бенедиктова на юбилей князя П. А. Вяземского. Текст и комментарий // Литературный факт. 2018. № 8. С. 196–212.

плод?», «О наставники народов! / О науки дивный плод! / После многих переходов / Вот ваш новый переход: // Из всемирных филантропов, / Гордой вольности сынов — / В подкупных бойцов-холопов / И журнальных хвастунов...» («К отечеству и врагам его (1855 год)»); «„...Беда нам — третье отделение... / Прощайте! *Наше вам почтенье!*“» («Бог», 1859?); «...Он в ответ: „К чему? Оставим! / Пусть! — *Не ведают, что творят!*“» («Коперник», <1870>).⁴⁸

Подведем итог сказанному. Анонимно напечатанное в 1854 году в «Северной пчеле», а затем и других петербургских и московских изданиях стихотворение «Кто кому нужнее?» оставило яркий след в истории отечественной патриотической лирики. Среди возможных авторов произведения назывался Ф. Н. Глинка, чье стихотворение «Ура!» открыло пропагандистскую поэтическую кампанию в столичной прессе и вызвало волну подражаний. Определенные эстетические предпосылки для указания на авторство этого писателя имеются, но формально-стиховая организация анонимного произведения отличается от более тщательной рифменной и строфической структуры упомянутого стихотворения Глинки. Анализ списков анонимного сочинения, включая опубликованный в 1905 году А. Ф. Можаровским, показывает, что изначально стихотворение имело дополнительную заключительную строфу, завершавшую произведение не в воинственном («Так пусть нас судят Бог да меч!»), а христианском («Не ведают сами, что творят») духе, причем приписывалось оно современниками П. А. Вяземскому, в архиве которого имеются следы работы над этим произведением или, по крайней мере, его продвижения в печать. Сравнение поэтического языка Вяземского с лексикой стихотворения «Кто кому нужнее?» свидетельствует о значительных чертах общности на уровне «прозаических» и стилистически сниженных слов, соотносении некоторых лирических приемов, — хотя и оставляет почву для сомнений в отношении авторства Вяземского, поскольку не находит дополнительного подтверждения этому в записных книжках и письмах поэта, в каких-либо внешних литературных источниках. Тем не менее, версия об авторстве Вяземского заслуживает первостепенного внимания и дальнейшего осмысления, особенно в аспекте путей распространения списков произведения и возможного «редакторского» вмешательства Николая I, лично курировавшего пропагандистскую кампанию в прессе.

⁴⁸ Бенедиктов В. Г. Стихотворения / Сост., подг. текстов и прим. Б. В. Мельгунова; вступ. статья Ф. Я. Приймы. Л., 1983. С. 328–329, 520, 567 (Библиотека поэта. Большая сер.).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-103-110

© Н. А. Тарасова

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В БИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Рабочие тетради Достоевского, как известно, содержат черновые наброски к художественным и художественно-публицистическим замыслам писателя, записи, связанные с редакционно-издательской деятельностью автора, а также заметки личного характера — расчеты с указанием долгов и расходов, адреса, черновики писем, хронику эпилептических припадков, каллики на те или иные события. На многих страницах тетрадей встречаются каллиграфические прописи, пробы пера, росчерки, рисунки (портретные зарисовки, геометрические фигуры, орнаменты, изображение архитектурных деталей готического стиля и др.). Грань между собственно творческими записями и «дневниковыми» в данном случае достаточно тонка — произведения